

Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценария

Елена Омельченко

Введение

Современные представления о сексуальности во многом определяются тем моральным, социальным и психологическим значением, которое придавали ему предыдущие поколения. Как указывал Фуко (Фуко, 1996), рост эротического сознания в современных странах Запада сопровождался настойчивыми попытками его подавления. Сегодня ситуация коренным образом изменилась, налицо повсеместное присутствие эротических образов – прямых или косвенных, традиционных или нетрадиционных. Модели поведения претерпели самые разнообразные изменения, и эротический статус индивидов приобрел более ярко выраженную окраску в качестве важного аспекта практики взаимного наблюдения, характерной для многих областей социальной жизни. В этой связи следует обратиться к вопросам *меняющейся* природы сексуальных желаний, *меняющейся* природы практик их осуществления. Сексуальное поведение можно рассматривать в качестве эволюционирующего феномена, чьи значения и истины являются частью продолжающегося производства социальной реальности, а также конструирования современных представлений о человеке.

Трудно писать и говорить о сексуальности, трудно себе представить тему более сложную и ускользающую от обсуждения и публичности. «Давать названия вещам, особенно в сфере сексуальности, – это дерзновенная и парадоксальная задача» (Роткирх, 2002: 453). С одной стороны, вслед сексуальным революциям «западного» типа с аккомпанировавшим им ростом индустрии контрацептивов, рядов психоаналитиков и веры в возможность достижения счастья путем знания всех тонкостей карты оргазма открылся путь публичным обсуждениям ранее закрытых тем. С другой стороны, именно «сексуальная революция» привела к многочисленным разочарованиям. Вместе с широким ликбезом о путях достижения сексуального удовольствия и здоровья пришло понимание проблематичности обладания им всеми и всяким, развились теории сексуальной неполноты, болезни и опасности. Откровенный разговор о «других», «иных», ранее запретных сексуальностях обнаружил множество новых тайников знаний, не все из которых вызывали радость открытия.

Гомосексуальные инициации до сих пор остаются малоизученными. Они либо вообще не упоминаются в исследованиях, посвященных сексуальности, либо авторы оговариваются, что намеренно не обращаются к гомопрактикам (малый процент в выборке!), либо они рассматриваются, но (по умолчанию) внутри общего понятия «сексуальный дебют», который расшифровывается исключительно как гетеросексуальный с использованием всех соответствующих терминов¹. Гомосексуальный дебют часто просто теряется в более широких исследованиях, посвященных гендерным отношениям.

¹ В текстах, посвященных сексуальному дебюту, не содержится даже корректной ссылки на то, что речь по умолчанию идет о гетеропрактиках. Такой подход характерен и для других публикаций, построенных на привычном «исключении» невидимых/несуществующих.

Критический анализ значимых изменений, произошедших в сфере сексуальных инициаций за последние 20–30 лет, строится на гетерокоординатах/константах: девственности, брак, деторождение, которые признаются базовыми в конструировании традиционных и альтернативных сценарных векторов. Есть работы, целиком посвященные гомосексуальности и как частному случаю – дебюту, однако, на мой взгляд, их очень мало². Можно предположить, что реальная проблема выведения другой идентичности (или субъективности), а затем и самих *queer* индивидов и их сообществ из «чулана» до определенного времени была более значима (что очевидно), чем опирающиеся на глубинные исследования реконструкции их «других» практик.

Говоря о сексуальном дебюте, следует различать историю (путь) интерпретации своего желания индивидом и собственно практику. И в том, и другом есть свои фазы, барьеры, свое «начало», однако язык «другого» сексуального желания и «другой» сексуальной практики, во-первых, насквозь нормативно-гетеросексуален, а, во-вторых, невероятно запутан. «Сексуальное поведение рассматривается в качестве конечного означющего, замыкающего означающую цепочку; желание – в качестве стремления к вступлению в гомосексуальные или гетеросексуальные отношения, при этом очень мало внимания уделяется анализу возможных *дополнительных* смыслов, как в том, так и в другом случае. Вместе с тем сексуальное желание не сводится к желанию того или иного гендера, более того, оно очень редко, а, может быть, и никогда не является желанием только секса» (William, 1996: 246). В словаре гомосексуального желания еще больше, чем в нормативном разговоре «про это», намеков, пауз, романтизированных аллегорий или, наоборот, подчеркнуто вулгарных ассоциаций. Говорящий больше рассчитывает на молчаливое понимание собеседника, чем на свою способность объяснить чувства и стремления (Паченков, 2002). Возникает опасность неточных интерпретаций, что снимается включенностью исследователя в сами желания и практики или в контекст обсуждаемой «темы»³. Трудность заключается в том, что приходится останавливаться буквально на каждом слове, проверяя и тестируя его на точность. Приходится брать на себя ответственность за присвоение значения обозначаемому словами по «умолчанию», язык сексуальности остается гетероориентированным, лишь трансгрессивная лексика может служить проводником, пусть и не самым надежным.

Метод и гипотезы

Размышления этой статьи основаны на нескольких источниках. Во-первых, тех академических текстов, в которых затрагивается тема сексуального дебюта, подростковой и молодежной гомо- и гетеросексуальности, места сексуального (в основном гетеро) дебюта в сексуальном сценарии (Кон, 1998; Голод, 1998; Темкина, 1999; Сэдживик, 2000; Яргомская, 2002; William, 1996; Essig, 1999; Richardson, 2000; Butler, 1990; Поткирх, 2002); во-вторых, пяти глубинных интервью, взятых автором специально для настоящего исследования, в-третьих, идеях и выводах, почерпнутых из предыдущих исследований (Омельченко, 1999; Омельченко, 2000; Омельченко, 2002а и б).

Несколько идей автора в качестве гипотез:

Наличие гомосексуального данного опыта может и не менять общей композиции сексуального (по умолчанию – гетеро) сценария, отвоевывая внутри него закрытое про-

² Хочется выразить искреннюю признательность Игорю Семеновичу Кону, который, несмотря ни на что, продолжает разрабатывать эту тему. Огромное значение имеет открытый им личный сайт. Интересно, что поисковая система Яндекса на мой запрос «Гомосексуальный дебют» выдала 20 вариантов его статьи; правда один из них был помещен на медицинском сайте «недуг» под грифом «сексология и сексопатология» и сопровождался ссылкой: доктора обсуждают ваши вопросы. Кроме статьи И.С. Кона, имеются две ссылки на сайт xgay.ru (эротические истории).

³ Быть «в теме», «по теме» используется как для отделения своих от чужих в гомосексуальном контексте, так и для оценки уровня компетентности человека, говорящего или пишущего об этом. С некоторой долей условности отношу себя к последним, поскольку данная статья – не первое размышление о «теме» гомосексуальности и новых гендерных трендах в российских молодежных культурах.

странство или развиваясь параллельно. В дальнейшем я постараюсь показать, как происходят диалоги между этими инициациями, и каково их содержание.

Большая часть привычных констант сексуального дебюта (девственность, брак и деторождение) выглядят в гомосексуальности не просто по-другому, но и могут быть рассмотрены, раскрыты только через другое.

Если гомо- и гетеросексуальная ориентации, сексуальные желания, идентичность и субъектность могут быть определены только друг через друга, то гомо- и гетеродебюты нельзя назвать ни дополняющими, ни противоположными. Во-первых, гомодебют может и не стать «началом», определяющим культурный выбор индивида⁴; не исключено, что он станет «концом» гомосексуального сценария. Во-вторых, гомодебют имеет более сложное отношение к гендерной идентичности. Он может иметь смысл для анализа представлений о мужской и женской девственности, их «экономического», культурного, психологического ресурса (стоимости), для утверждения индивидом своей ориентации, расшифровки смысла и направленности желания, осознания приемлемости или неприемлемости соответствующих практик.

Сексуальный дебют в контексте сексуального сценария

Насколько значим дебют в жизненных историях, сохраняет ли он значение и смысл культурной инициации (в ее телесном, сексуальном прочтении), а также становится ли он некоей значимой вехой в *самостроительстве*? И.С. Кон пишет о том, что характерной чертой стало повсеместное снижение возраста сексуального дебюта, происходящего на фоне параллельного повышения возраста брачности. Таким образом, сексуальный дебют все чаще происходит до и вне брака, что, в свою очередь, свидетельствует о либерализации сексуальной морали⁵. Ссылаясь на данные трех национальных опросов (американского, британского и французского), И.С. Кон говорит тенденциях, определивших изменения в сексуальном поведении послевоенных поколений: а) удлинении индивидуальной длительности перехода от сексуальных ласк к генитальной сексуальности и б) синхронизации возраста первого коитуса в пределах каждого поколения. Далее, имея в виду прежде всего значение этого события для подростков и юношей, автор пишет об изменении социального контекста сексуального дебюта. «Сексуальное поведение современных подростков и юношей ни субъективно (по их намерениям), ни объективно (по своим результатам) не является ни матримониальным, ни репродуктивным. Оно рассматривается как самостоятельная ценность. Вступление в генитальную сексуальность сегодня зависит, прежде всего, от возраста, когда молодые люди начинают негенитальные сексуальные обмены, это событие завершает долгий период флирта, начинающийся сразу же по окончании детства. Первый половой акт сегодня – не подготовка к браку, как это часто бывало раньше, а как бы выполнение некоего нормативного обязательства, вроде получения аттестата зрелости» (И. Кон, <<http://sexology.narod.ru>>). Другой автор, Наталья Яргомская фокусирует свое внимание на сценариях сексуального дебюта женщин, подчеркивая, что он рассматривается в работе «не как физический контакт, заданный биологическими характеристиками индивидов, а как взаимодействие, заданное системой культурных значений» (Яргомская, 2002: 287). Автор пишет о том, что за культурным сценарием закреплена роль транслятора конвенциональных норм и требований в отношении сексуального дебюта, которые дают «инструкции» о приемлемом и неприемлемом сексуальном поведении. «Эти инструкции презентуются с помощью историй (с хорошим и плохим концом) о том, где, когда, с кем можно вступить в сексуальное взаимодействие и каковы будут последствия этого. Межличностные сценарии сексуального

⁴ Сразу оговорюсь, что не беру в расчет сексуальное насилие

⁵ Данные, приводимые в статье, по умолчанию касаются исключительно гетеросексуального дебюта.

дебюта формируются с учетом ожиданий от взаимодействия с партнером и конструируются посредством данного взаимодействия». (Gagnon, 1990, цит. по: Яргомская, 2002: 299). Центральным в двух сценариях – брачном (Ф. Энгельс, З. Фрейд) и альтернативном (Симона де Бовуар) выбрано понятие девственности. Н. Яргомская, ссылаясь на исследование Г. Рубин (Рубин, 2000), Г. Андреевой (Андреева, 1998), С. Голода (Голод, 1998), говорит о том, что несмотря на различные культурные интерпретации смысла и «стоимости» сексуальной инициации, доминирующей моделью сексуального дебюта в доиндустриальных и индустриальных обществах являлась брачная модель⁶, поэтому «лишение девственности является знаковым событием как в обществах, где оно неотделимо от брака, так и там, где оно от брака отделено» (Фрейд, 1990: 147).

Перечисленные особенности практически не оставляют места для описания «другого» сценария с другим дебютом, хотя и затрагивают эту тему. Вопрос остается открытым. Кроме того, и в случае подросткового (мужского по умолчанию) сексуального дебюта, о котором пишет И. Кон, и в случае женского (Н. Яргомская) оба автора говорят исключительно о *женской* девственности, или девственности как *женской* ценности. Среди «опорных» данных молчаливо гетеросексуальных текстов, посвященных сексуальному дебюту называются такие как возраст сексуальной инициации и начала сексуальных отношений⁷, мотивация к вступлению в них, продолжительность отношений с первым партнером до и после дебюта, распределение инициативных / властных ролей в самом контакте, оценка опыта – физиологическая (оргазм), этическая (наличие или отсутствие вины или раскаяния) и гендерные различия по всем этим показателям. Основной вывод ключевых исследований – мысль о постепенной потере доминирующей роли брачной модели в сексуальной инициации и растущей практике альтернативной или переходной моделей. Сценарий гомосексуального дебюта в эту классификацию просто не вписывается: более «традиционным» для него является внебрачный, а альтернативным – брачный сценарий.

Гомодебют в пространстве сексуальных сценариев

Будем различать такие понятия, как сексуальный дебют внутри гомосексуального сценария, гомосексуальный дебют внутри сексуального (по умолчанию – гетеро) брачного сценария, гомосексуальный дебют внутри сексуального (гетеро) альтернативного сценария. Проведенных к настоящему моменту интервью явно недостаточно для подробного рассмотрения всех названных моделей, однако в текстах можно обнаружить элементы всех дебютов каждого из названных сценариев.

Девственность: потеря в квадрате?

Описывая женский конструкт девственности, Н. Яргомская останавливается в основном на трех приписываемых ей значениях: физиологическом (наличие девственной плевы), дебют – ее дефлорация; статусном (демографическое и социально позиционное соотношение партнеров), дебют – распределение власти; познавательном (характер и интерпретация пережитого опыта и его стадий), дебют – осознание своего нормативного гендера.

Разность в подходах к определению значимости и «стоимости» девственности, сценариев розыгрыша «девственной карты» не затрагивает, на мой взгляд, убежденности в ее центральной позиции внутри сексуального (гетеро) дебюта. Споры ведутся вокруг того, с какого момента «начинается начало» – с осознания индивидом своей готовности

⁶ Обращает на себя внимание, что и в цитируемом тексте речь по умолчанию идет о гетеросексуальном дебюте, для которого подобное утверждение очевидно подходит.

⁷ Начало сексуальных отношений обычно понимается как сексуальное сношение («введение члена») соответственно с партнером противоположного пола.

и желания близости, первых телесных прикосновений к «другому», с момента потери девственности в физиологическом смысле или с приходом понимания того, что в индивидуальной жизни появилось новое измерение, называемое «половая жизнь». Так или иначе, в рамках гетеросексуальных сценариев может меняться контекст, меновая «стоимость», значимость девственности, однако она читается всеми приблизительно в одном русле. Прежде всего, девственность – это природная (естественная) собственность в первую очередь существа женского рода (биологического пола). Характер распоряжения этой собственностью всегда зависел от культурного контекста, расценивался как капитал семьи или самой женщины (экономический, культурный, психологический). Поскольку по своему происхождению право на добрачную (до-парную) девственность было завоевано женщинами как право на моногамию, оно требовало социальной и культурной защиты, что и закрепилось в табу на ее внедоговорную потерю. Став значимым элементом семейно-родовой собственности, она заняла ключевую позицию в институте наследования. От правильного и выгодного розыгрыша этой карты могла зависеть экономическая биография всей семьи. Последствия «неправильного» владения этим «капиталом» могли ощутить потомки и дальние родственники, на столетия дистанцированные от самого «события». Но, потеряв свою экономическую «составляющую», сохранила ли девственность некое обмениваемое качество, и если да, то что является ее субстратом? Полагаю, что да, – столь долго поддерживаемая основа наследования не могла просто так раствориться, не оставив за собой шлейфа...

Гомосексуальные сценарии⁸ скорее а/вне/несоциальны, особенно в российской провинции, где практически отсутствует публичное пространство и культурная инфраструктура для проявления гомосексуальной идентичности (клубы, кафе, театральные перформансы). Лаура Эссиг писала о том, что если Америка конца XX в. попросту не мыслит себя без идентичности, то в сегодняшней России идентичность – это всего-навсего не получивший широкого признания нарратив. При советском режиме идентичность не играла большой роли в организации социальной и политической жизни (Эссиг, 1999). Можно добавить, что сейчас, после некоторого бума политики идентичностей на волне перестройки, эти процессы не просто замедлились – появились некоторые признаки «отката», которые можно обозначить как начало «контр сексуальной» революции.

Представляется, что отсутствие ясной и перспективной социальности не может не сказываться на интерпретации «стоимости» девственности в контексте «другой» природы. Можно сказать, что девственность (как в женском, так и в мужском вариантах), в ее традиционном смысле, в контексте гомосексуальных сценариев просто не имеет стоимости. В данном «материальном» измерении она просто теряется, а значит – не существует. Именно поэтому я и использую такое словосочетание – «потеря в квадрате».

Гендерные координаты девственности, или о «праве утоляющего на власть»

Потеря девственности в контексте гетеросексуального сценария становится прямым доказательством «своего» (то есть «природой данного») гендера. Стать мужчиной («переспать», «ввести») – значит влиться в мужское братство. Стать женщиной – значит потерять девственность = реально познать (на практике) подчиненность. З. Фрейд вводит в оборот понятие «сексуальной подчиненности» и объясняет ее социально-психологическими причинами, имея в виду, однако, исключительно «женскую» предопределенность. «Кто первым удовлетворяет с трудом в течение долгого времени подавляемую любовную тоску девушки и при этом преодолевает ее сопротивление, сложившееся под влиянием среды и воспитания, тот вступает с ней в длительную связь, возможность которой не

⁸ Брачные гомосексуальные сценарии являются исключением. Можно говорить только о гражданском партнерстве, вероятность которого рассматривалась всеми информантами, однако «обнаrodование» союза как законного представлялось всем затруднительным.

открывается уже больше никому другому. Вследствие именно этого переживания у женщины развивается «состояние подчиненности» (Фрейд 1990: 147).

Для девушки связь потери девственности с доказательством нормативности своего гендера очевидна. Это проявляется в однозначном толковании словосочетания «стать женщиной». На мужском языке «стать мужчиной» может иметь разные ассоциации, например, пройти армейскую службу. В рамках гомосексуального сценария потеря девственности, как физиологической, так и культурной (гетеродевственности) может стать началом трудных «разговоров» со своим гендером. В историях моих информантов можно найти почти прямые подтверждения существующих в академической литературе описаний стадий формирования гомосексуальной идентичности, которая может начинаться гомодебютом в его буквальном смысле, может приводить к нему, а может завершаться отказом или борьбой со своим «уродством».

Западные исследователи выделяют несколько периодов в процессе осознания своей гомосексуальности у молодых геев и лесбиянок (Goggin, 1993).

Стадия 1: сенсбилизация происходит до достижения половой зрелости. В этот период большинство подростков считают себя гетеросексуалами или вообще об этом не задумываются. Однако именно в это время они получают тот опыт, который в дальнейшем становится основой для принятия гомосексуальности. Детские впечатления подготавливают их (иммунизируют) к последующему принятию своей гомосексуальной идентичности. Суть этого периода – понимание, часто интуитивное, своей гендерной (сексуальной, личностной) уникальности.

Стадия 2: сомнения в типе своей идентичности. Лесбиянки и геи обычно начинают отмечать у себя появление гомосексуальных наклонностей в подростковом возрасте, когда они впервые задумываются над тем, что их чувства и/или поведение может расцениваться другими как свидетельство их гомосексуальной ориентации. Сомнения относительно собственной идентичности возникают по целому ряду причин: а) измененного самовосприятия; б) в результате получения опыта гомо- и гетеросексуального возбуждения и поведения; в) с учетом практик стигматизации гомосексуальности; г) из-за недостаточно ясного понимания того, что есть гомосексуальность и кто такие гомосексуалы. Сомнения в собственной сексуальной идентичности обычно сопровождаются стратегиями отрицания, восстановления, ухода, переопределения и принятия. *Отрицание* подразумевает попытки заблокировать гомосексуальные чувства, фантазии и действия. *Восстановление* сводится к попыткам полного искоренения в себе гомосексуальных наклонностей и особенностей поведения, часто при помощи специалистов-профессионалов. *Уход* практикуется теми, кто отказывает себе отчет в своей гомосексуальной ориентации. У одних это принимает форму отката от контактов с противоположным полом, чтобы случайно не выдать себя. Другие, напротив, стараются как можно чаще вступать в гетеросексуальные контакты, пытаясь тем самым на деле доказать свою гетеросексуальность; например, молодые лесбиянки иногда хотят забеременеть. Третьи избегают любой информации о гомосексуализме, опасаясь подтверждения своих сомнений. Крайние проявления включают открытое выражение неприязни к гомосексуалам с целью дистанцироваться от собственных гомозротических чувств. *Переопределение* гомосексуального поведения или чувств также является одним из способов рационализации опасений, сопровождающих длительный процесс изменения сексуальной идентичности. Переопределение может означать частую смену сексуальной идентичности или следование различным ситуативным стратегиям. При оценке своего гомосексуального опыта индивид нередко приходит к выводу об уникальности своей ситуации, о том, что она не имеет ничего общего с гомосексуальностью в истинном ее понимании. «Это было так красиво, что само слово «лесбиянство» здесь не уместно...» Иногда находят ситуативные оправдания типа «я просто был пьян» или «это случилось в гостинице, и там так делали все». Наконец, в ряде случаев в результате стратегии отрицания, восстановления, ухода или переопределения, которые могут использоваться на протяжении многих месяцев, лет, а то и в течение всей жизни, приходит *принятие*. Так происходит тогда, когда юноша или девушка по мере

утверждения во мнении о своей гомосексуальной ориентации, приступают к поиску дополнительных источников информации с целью попытаться лучше разобраться в себе.

Стадия 3: допущение возможности гомосексуальной идентификации. Индивид признается в своей гомосексуальной идентичности не только самому себе, но и своим друзьям – геям и лесбиянкам, вступает с ними в тесные отношения, экспериментирует, открывает для себя все новые стороны «голубой» или «розовой» субкультуры. В начале третьей стадии индивид в большинстве случаев скорее просто мирится со своей гомосексуальностью, нежели полностью ее принимает. Положительное впечатление от общения с другими геями или лесбиянками, как правило, способствует почти полному исчезновению сомнений и чувства собственного одиночества, тогда как отрицательный опыт может вызвать желание как можно скорее покончить с гомосексуализмом. В последнем случае стратегии ухода или переопределения вновь могут оказаться востребованными и может сопровождаться мерами повышенной конспирации перед родственниками, знакомыми и коллегами по работе. Однако возможен и другой вариант, когда молодые геи и лесбиянки пытаются полностью раствориться в гомосексуальном окружении и найти там опору, стать «своим» или «своей». При этом «нормализация» гомосексуальной идентичности достигается путем сведения до минимума гетеросексуальных контактов и придания особенного значения гомосексуальным отношениям.

Стадия 4: полное принятие гомосексуальной идентичности. На данном этапе гомосексуализм становится нормой жизни, человеку становится легче, приятнее и не столь накладно оставаться гомосексуалом, нежели пытаться изображать из себя гетеросексуала. Чаще всего, это происходит в позднем подростковом или уже зрелом возрасте. Как правило, лесбиянки впервые достигают такой гармонии к 22–23-м, геи – к 21–24-м годам (Goggin, 1993). Теории «раскрытия» подвергались критике в основном за их акцент на предопределенности формирования гомосексуальной идентичности прошлым опытом индивида. Проблема заключается в том, что на представления о прошлом налагается весь жизненный опыт человека, и утверждение об ощущении своей уникальности в сравнении с другими во многом есть не более чем взрослая интерпретация, исключающая точную хронологию полузабытых событий.

Несмотря на столь внушительную теоретическую реконструкцию развития гомосексуальных сценариев, в ней специально не рассматривается сексуальный дебют, он оказывается растворенным в стадиях постепенного принятия или отторжения своего «другого» (ненормативного) сексуального желания, а также решениях относительно включения или отказа от соответствующих ему практик. Сексуальное желание, направленное не на противоположное, а на себе подобное, нарушает целостность нормативного восприятия, основа которого ярко выражена в «гетеросексуальной матрице» – красивой формуле Джудит Батлер. Она сравнивает гендер с представлением, которое может пользоваться успехом лишь при условии его постоянного проигрывания. Гендер – это идентичность, доступная пониманию со стороны, сквозь призму «стилизованного повторения действий». Гендер «следует понимать по движениям тела, жестам, стилям поведения, т.е. всему тому, что создает иллюзию раз и навсегда гендерированной самости» (Butler, 1990: 140). Нет никакого «Я», выбирающего себе гендер, словно одежду, поскольку не одетой в материю, социализированной (гендерированной или сексуализированной) самости «Я» просто не существует (Butler, 1993: 21). Идея Джудит Батлер о «гетеросексуальной матрице» помогает понять характер переплетения гендера и сексуальности в противоречиях (рассогласованиях) между гомо/гетероидентичностью, гендером (мужским или женским) и желанием (противоположного или своего). В гетеросексуальной матрице биологический пол (тело), сексуальность и гендер зависят друг от друга, и эта зависимость – необходимое условие их адекватного прочтения «другими». Она является гегемонической системой, «предполагающей, что необходимым условием когерентности и вразумительности тел является стабильность пола, выражающаяся через стабильность гендера, оппозиционно и иерархически определяемого через принудительную практику гетеросексуальности» (Butler, 1990: 151). Тела делятся на женские и мужские, гендеры – на маскулинные и фемининные, желания –

на желания противоположного. Пол (тело) подразумевает гендер; гендер подразумевает сексуальность. Сексуальность подразумевает гендер; гендер подразумевает биологический пол. В случае, когда некто, являясь мужчиной или женщиной, и ведет себя соответственно как мужчина или как женщина, его (ее) желание совершенно определено – оно гетеросексуально. Однако как только поведение меняется на неподобающее тому или иному гендеру, и одни означающие входят в противоречие с другими означающими, вся матрица нарушается. Все желания воспринимаются такими же извращенными, как и неподобающее гендерное поведение (вне зависимости от того, какова в действительности практика осуществления этих желаний – гомо- или гетеросексуальная) (Омельченко, 2002).

Построение собственной картины непротиворечивого мира требует от подростка женского или мужского пола либо большого личного мужества, либо близкого (успешного) опыта «другой» сексуальности. Кроме того, любые ретроспективные конструкции поиска своей идентичности не могут точно выразить всю гамму переживаний разговоров со своим гендером, которые соответствуют восприятию жизни в подростковом возрасте геями и лесбиянками *в режиме реального времени*.

Девственность в сетях власти

В рамках гетеросексуального сценария физическая близость (потеря девственности) традиционно расшифровывается как победа и открывает мужчине путь к мультивласти. Благодаря этому он становится хозяином многих женщин. Иным становится культурное прочтение для женщины – она получает моноподчинение, то есть становится собственностью одного. Это жестко иерархическое «разнесение» конечно же теряет сегодня свою абсолютную определенность, однако многие из наших информантов так или иначе говорили: одни (чаще мужчины) – о некоем приобретении, другие (чаще женщины) – о некоей потере. И мне кажется, несмотря на вариации, эта потеря и это приобретение – не что иное, как власть. Власть в ее фукоианском прочтении присутствует в гомосексуальных отношениях, однако она трудно фиксируема на ком-то из партнеров. И хотя в развивающихся отношениях властные позиции все же с большей или меньшей точностью определяемы, в прочтении дебюта каких то собственных координат обнаружить не удалось.

Напрашивается вывод о том, что понятие девственности в данном контексте просто не применимо, поскольку транскрибируется исключительно в рамках гетеросексуального словаря. Можно пробовать, можно испытывать, можно сомневаться, но что-то терять?.. Традиционный язык постоянно мешает, не позволяет очертить и выявить те значимые для информантов координаты того, с чего собственно «все началось».

Начало

Остается ли в контексте гомодебюта понятие «первый раз»? Представление о нем множится, продлевается, не поддаваясь фиксации или отнесению. Однако в любых вариантах оно все-таки существует, фиксируется в языке как субъективная оценка наличия сексуального желания. Желание еще требуется прочесть и осознать именно как желание не противоположного, а «своего». Кроме наиболее очевидного пути вытеснения этого знания или борьбы с ним⁹, информанты говорили о различных путях перевода этого желания на язык интеллектуального общения, дружбы, любви платонического, романтического типа.

Иначе звучит в рамках гомосексуального дебюта вопрос «как решиться на это?». Тут вероятны как минимум два случая.¹⁰ Первый – потеря физиологической девственности

⁹ Изучению гомофобных настроений среди молодежи посвящены отдельные работы. (Омельченко 2001; Омельченко 2002).

¹⁰ Еще раз подчеркну, что я не рассматриваю случаи насилия, которые наверняка имеют другую природу и, соответственно, другие расшифровки. В интервью, на которые я ссылаюсь, насилие или давление не было упомянуто ни разу.

«совпадает» с потерей культурной (гетеро) девственности. Второй – когда потеря (гетеро) девственности происходит намного позже, чем потеря девственности в «традиционном» смысле. Поскольку (гетеро) девственности трудно найти стоимостной эквивалент, то вопрос «обмена», судя по моим интервью, вообще не возникает.

Как можно потерять или обменять то, чего не имеешь? Поскольку нет такого понятия в языке, то и субстрата, по поводу которого нужно принимать решение, не существует. Тексты интервью говорят о том, что решение как таковое ни одним из информантов не принималось. Вернее, оно принималось, но намного раньше, в процессе осознания, понимания и перевода на язык сексуального желания того, что они чувствовали. Начало, таким образом, не фиксируемо...

Успешное – неуспешное начало?

В каких словах, по отношению к чему можно определить не только – что, собственно, случилось, но и насколько это успешно? В гетероконтексте есть определенные экономически и культурно закрепленные координаты. Дебют успешен, если оба партнера не разочаровались, если не было проявлено насилие, если отношения имеют продолжение, если знакомство с этой стороной жизни прошло без материального, психологического, физического ущерба для индивида и т.д. Понятие успеха внутри гомосексуального сценария может расшифровываться по-разному. Все информанты говорили о том, насколько сильны были пережитые ими ощущения и чувства, о разнице между близким общением с гомопартнерами и гетероконтактами. Однако никто из них не решался (не хотел) говорить о контурах будущего. Все, так или иначе, оставляли для себя возможность «другой/нормативной» жизни. Можно говорить о некоей определенности в выборе и решении относительно гомосексуальной ориентации (то есть формировании у всех моих информантов гомосексуальной субъективности), но не гомосексуальной идентичности, которая сопровождается практиками «открытия» и выхода из подполья. Будущее, мыслимое как социальность, и понятие успешности, конструируемое внутри статусно-стилевых позиций, которые напрямую связаны с господствующими дискурсивными практиками, не позволяют (мешают) разместить в них свой гомопроект.

Обычным для информантов было разведение своего «приватного» будущего (успеха), и публичного, социально адаптированного. Первое конструировалось ими как развитие личного счастья (эмоционально психологического конструкта), второе – в контексте общения, связей, контактов, «адаптированных» к социальности.

Событийно-временные координаты дебюта

В интерпретациях «нормативного» дебюта существует неявный спор относительно того, с какого момента можно считать, что «это случилось»: с осознанно-осмысленного перевода физиологических ощущений на язык сексуально-гендерного желания, с первого знакомства с телом другого человека, с первого генитального проникновения, осознания себя мужчиной/женщиной, первого испытанного оргазма и др. Можно отметить как значимые сходства, так и различия между интерпретациями событийных координат в сексуальных дебютах гетеро и гомосценариев.

Описания таких уже отмеченных исследователями стадий (форм) гетеросексуального дебюта, как: молчаливо сексуальные игры, сексуальные игры с первыми телесными контактами, прикосновения к другому телу, последовательное освоение своего и чужого тела, первое проникновение, боль и неприятные ощущения, первый оргазм и т.д. – мало чем отличаются от описаний, которые нашли отражения в историях информантов, рассказывающих о своих гомосексуальных дебютах. Отличия же заключаются в следующем.

Прежде всего, значимые события в гомосценариях, следуя за их рассказами, можно обозначить как поисково-экспериментальные и «настоящие» (первая любовь). Для событий первого типа характерны как гомо-, так и гетеросексуальные контакты, события вто-

рого типа обозначались информантами как принципиально гомосексуальные. Ключевыми моментами как первых, так и вторых событий являлась не фабула (что и как происходило, кто первым «начал» и др.), а процесс принятия себя. Именно «знание» о своей другой сексуальности вместе с принятием в себе этого знания, согласия с ним и взаимным чувством и взаимной практикой с «себе подобным/ой» становится самым значимым «началом», или дебютом.

Еще одно значимое отличие заключается в более сложных взаимоотношениях гомосексуального дебюта с возрастом. Общее отмечаемое исследователями снижение возраста сексуального (по умолчанию гетеро) дебюта может напрямую и не влиять на возраст гомосексуального дебюта. Процесс осознания и поиска своей идентичности, как я уже отмечала, может длиться достаточно долго, гомодебют может совпадать, а может иметь достаточно большую временную дистанцию с гетеросексуальным дебютом. И хотя молодые геи и лесбиянки имеют специфические проблемы, связанные с обострением значимости самоопределения и самоидентификации, не стоит игнорировать и более поздние, «возрастные» гомосексуальные дебюты.

Итак,

мне кажется, что до тех пор, пока гомосексуальность остается если не в пространстве сексуального извращения, девиации и открытого порицания, то в зоне преимущественно молчаливого непринятия, использование любых количественных замеров ее «уровней, масштабов, тенденций» будет малоинформативным. Отсутствие реального социального пространства¹¹ и, соответственно, культурного словаря, способного адекватно отражать смысл желания, знания и практик, отличающихся от нормативно традиционных, делает опросы на эту тему практически бессмысленными. Обыденный язык, нагруженный тенденциозной нормативностью, не позволит адекватно выразить то, что объясняется на уровне ассоциаций. Например, как может юноша или девушка с другим типом идентичности ответить на вопросы, в которых используются понятия «потеря девственности», «лишение невинности», «первый сексуальный партнер», «начало половой жизни» и прочее? Неадекватные предмету термины наверняка найдутся и в этом тексте.

Исследование путей осознания индивидами своих сексуальных идентичностей имеет смысл еще и потому, что здесь можно различить несколько способов «делания» своего гендера. Так, при принятии индивидом нормативной сексуальности, свой гендер «делается» автоматически и по умолчанию, срабатывает гетеросексуальная матрица. Гендер, обретенный и принятый индивидом внутри гомосексуального сценария, скорее похож на пол, достигаемый путем экспериментирования. И если нормативный гендер есть социальный и культурный конструкт общества с присущим ему гендерным режимом, то достигаемый гендер можно назвать индивидуально и добровольно конструируемым. Путь последнего, если и не более сложный, то все-таки значимо «другой». Следовательно, и его существование имеет право на то, чтобы быть услышанным.

Приложение

Интервью 1

Женщина, 22 года. «Потеря» девственности в интервью не артикулируется. Имела близкие (телесные) ласки и отношения с мужчинами, но до физиологической близости (проникновения) не доходила. Самоидентификация – преимущественно гомоориентированная. Не стремится это демонстрировать, но и не старается скрывать. Гомодебют совпал с сексуальным дебютом. В ходе интервью вела себя открыто, принимает себя такой, какая есть.

– Гомосексуальный дебют

«Я пришла как-то, и мы разговаривали, долго разговаривали. Я думала, ну, сколько уже можно разговаривать, может, уже поцеловаться. Я же не знаю, как человек относит-

¹¹ Речь не идет о создании отдельных территорий, а о доступной публичности

ся, может, это я такая. Как можно знать, что человек хочет, и мы стали целоваться. Перед этим был разговор, она сказала, чего она хочет, и я сказала, чего я хочу. Я подумала, в принципе, совпадения есть.... Она сказала, это было бы великолепно, предел. Ну, я думала, что после первой близости, я подумала, что пусть хотя бы один раз, пусть, но это будет. Ну, вот. Потом мы с ней договорились, что мы встретимся.... я шла по городу такая абсолютно счастливая, довольная такая и солнце выглянуло. Морозный солнечный день. Кайфно. Временами я думала, что это будет только один раз и все потому, что остальное нереально. Слишком и быстро, я никогда так быстро не делала. Не раньше чем через полгода, потому что за полгода о человеке столько всего можно узнать, что потом только радуешься, что ничего не было...».

– Описание своей уникальности

«Понимание, что я другая? ... я с детства, сколько себя помню, была «другой». Я никак не могла понять, да и до сих пор возникают сложности с тем, по каким правилам живут люди, почему именно по этим, зачем и кому это надо. Дальнейшее мое взросление привело к отторжению существовавших правил. Правда, до сих пор не могу для себя решить, я их отторгла или они меня, думаю, процесс был взаимным. Еще обилие просмотренной мною в детстве эротики, с элементами порнографии, убедило меня в том, что все формы сексуальности нормальны и приемлемы. Оставалось только сделать выбор. Мужчины, как я поняла, тоже мне не очень подходят, так как для них секс это нечто другое, чем для меня. Разница в понимании в данном случае непреодолима, но как там будет, не знаю. Женщины мне нравятся, они красивые, умные, чувственные, мне с ними хорошо, без претензий, главное, не задевать их бабской жилки, а это совершенно не в моем стиле. И я не считаю себя другой. Я считаю себя совершенно нормальной. Я честна с собой, с окружающими, живу так, как считаю нужным, делаю то, что нравится и доставляет удовольствие».

– Как пришло осознание

«...помню, довольно долго мне снилось, что я занимаюсь любовью с девушками. Я подумала, что раз так хочется и бессознательное трепетно рвется наружу, через сны, попробовать и понять, как это бывает, что это для меня, на самом ли деле нравится, нужно ли мне это вообще? А поняла все конкретно, после того как поцеловалась с Это было что-то совершенно потрясающее, и я подумала, да, мне нравится, да, это хорошо, да, мне нравится. Позже я поняла, что целоваться мне нравится не со всеми девушками, что еще больше убедило меня в правильности моего выбора. Выбора девушек. Так я поняла, что главное человек, а не его пол. Чем и живу».

Интервью 2

Мужчина, 24 года. Первый гомосексуальный опыт был в 12 лет со старшим по возрасту соседом. Называет это детскими играми. В 16,5 лет был первый гетеросексуальный опыт. Считает, что к 20 годам пришел к пониманию того, что он бисексуал. Активно общается как с гей-, би- и лесби-компаниями, так и с натуралами. Считает, что к 30 годам или чуть позже создаст семью, «жена естественно будет знать о моей бисексуальности».

– Первый гомосексуальный опыт и осознание

«...Я пришел к этому очень рано, это было в 12 лет, то есть уже какое-то зарождение сексуальности, причем зарождение наверно раньше было, ну, насколько я себя помню, у меня это был такой интерес как к девочкам, так и к мальчикам, но чем старше я становился, тем больше я понимал, что есть такое социальное давление, что мальчик должен интересоваться девочками, в каком-то смысле это просто был протест, а почему именно так, почему не иначе? А вот в 12 лет соответственно, это было летом, сосед, так сказать, соблазнил меня, но я был, то есть семя попало в благодатную почву, то есть

инициатива исходила от него, но я не могу сказать, что это было простое соблазнение. Ну, он просто оказался старше меня, он предложил, я согласился... это был собственно первый опыт, длилось это примерно – это с трудом можно назвать, детские игры, года два, наверное. Потом как бы в 14 лет пришло некое осознание информации, начали обсуждать темы сексуальности с одноклассниками, такие колебания... я не такой как все, особых комплексов того, что я – извращенец, что я не такой – у меня не было. Но все-таки понять и разобраться, почему у меня так, я перелопатил кучу литературы, я прочитал море изысканий на эту тему. Понял, что в принципе это нормально, смирился с этим. Потом годам к 16–15 на волне общего интереса к девушкам, я начал интересоваться девушками, ухаживания, но... лет в 16 с половиной был сексуальный опыт, причем это было не то, что надо попробовать, а мне действительно девушка была интересна, это был курортный роман, кстати. Это было на Черном море, она старше меня, причем разница там небольшая, но я был еще школьником, а она уже студенткой. Эта разница ощущалась очень сильно... Я попробовал обе стороны медали, и потом было очень много таких беспорядочных связей с обоими полами, то есть поиск такой, что мне нравится, а что не нравится, то есть, чтобы разобраться в себе. То есть, несмотря на то, что даже чисто для себя я смирился с тем, что не такой как все, тем не менее, может быть, это юношеская гиперсексуальность, может, это пройдет, может, стану как все, потом я понял, что я себе нравлюсь таким, какой я есть. Меня такая жизнь устраивает, и поэтому становление моей сексуальности закончилось, наверное, лет в 20...».

Литература

- Андреева О. Нравственна ли девственность? // Потолок пола / Сост. Т. Барчунова. Новосибирск, 1998. С. 183–194.
- Бовуар С. де. Второй пол: В 2-х т. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
- Голод С. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998.
- Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М.: Олимп; АСТ, 1998.
- Омельченко Е. От пола к гендеру? Опыт анализа секс-дискурсов молодежных российских журналов / Женщина не существует: современные исследования полового различия / Под ред. И. Аристарховой. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1999. С. 77–115
- Омельченко Е. «Жертвы» и/или «насилыники»? Феномены подростковой сексуальности в фокусе западных академических дискурсов // Другое поле / Под ред. Е. Омельченко, С. Перфильевой. Ульяновск: Средневожский научный центр, 2000. С. 238–255.
- Омельченко Е. «Не любим мы геев...»: Гомофобия провинциальной молодежи // О муже(Н)ственности / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002а.
- Омельченко Е. В поисках гомофобии. Опыт исследования механизмов исключения "другой" сексуальности в провинциальной молодежной среде // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002б. С.469 –511.
- Паченков О. К сексуальности – через интервью: этнометодологический взгляд // В поисках сексуальности: Сборник статей/ Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 559–586.
- Роткирх А. Любовь со словами и без слов: опыт лесбийских отношений в позднесоветский период / В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 452–468.
- Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистических текстов / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 89–139.
- Сэдзвик И.К. Эпистомология чулана // Гендерные исследования / Харьковский центр гендерных исследований. 2000. № 4:.
- Темкина А. Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: Опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия // Гендерные тетради. 1999. Выпуск второй. СПб.: филиал Ин-та социологии РАН. С. 20–55.
- Фрейд З. Табу сексуальности // Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Минск, 1990. С. 145–160.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: Пер. с франц. М., Касталь, 1996.

- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 23–178.
- Яргомская Н. Сценарии сексуального дебюта женщин: переход от традиционной к альтернативной модели // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 287–315.
- Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge.
- Essig, L. (1999). *Queer in Russia. A Story of Sex, Self, and the Other*. Durham and London: Duke University Press.
- Goggin, M. (1993). Gay and lesbian adolescence (Chapter 6). In S. Moore and D. Rosenthal (eds.) *Sexuality in Adolescence*. London: Routledge.
- Omelchenko, E. (2000). «My body, my friend?» Provincial youth between the sexual and the gender revolutions. In S. Ashwin (ed.) *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge/
- Richardson, D. (2000). *Rethinking Sexuality*. New Delhi: Sage.
- William, S. (1996). *Postmodern Sexualities*. London: Routledge.